

У 23374

0

АЛЕКСАНДР
ФАЙНБЕРГ

СТИХИ

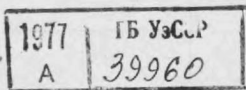
АЛЕКСАНДР ФАЙНБЕРГ

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА
ТАШКЕНТ — 1977

P2
Ф 17

У 23374
0

Файнберг Александр.

Стихи. Т., Изд-во лит. и искусства, 1977. (с)
68 с.

Новая книга А. Файнберга, куда вошли стихи последних лет,—размышления о жизни, верности, любви.

P2

Ф $\frac{70402-26}{352(06)-77}$ 71-77

© Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма, 1977 г.

ПЕСНЯ О ТРУБАЧЕ

Припал к серебряной трубе
трубач со шрамом на губе,
неведомый трубач.
Он волосы убрал со лба.
Ну что ж, труба. Давай, труба!
Засмейся и заплачь.

И звук, рожденный на лету,
вдруг набирает высоту
и рвет трубу из рук.
К морям, в долины, на луга,
на океан; за облака
взмывай за звуком звук.

Пропой, труба, через века,
как ты светла и высока.
В тебе и гнев, и стон.
Взметай холодные снега.
За что нам жизнь не дорога?
За землю, где рожден.

Трубач со шрамом на губе,
прожить положено тебе
с трубою, как с судьбой.
Труби сквозь вьюги и пургу
свое презрение врагу,
свой неотступный бой.

Еще не кончена она,
твоя гражданская война.
И в порохе поля.
И дымом стелются пути.
Но нет еще свинца в груди.
И счастье— снова впереди.
И вся земля— твоя.

Пускай не счесть дорог и троп.
Урал, Сибирь и Перекоп
и в камышах Сиваш,
ты пой коней летящий бег
в грядущий справедливый век.
Он твой. Он мой. Он наш.

Пока поет твоя труба,
бессмертны юность и борьба.
Не унывай. Труби.
Пускай тебе пропасть во мгле,
но будут песни на земле
о жизни и любви.

ЗАМРИ

Замираем.

На шоссе ни звука.

Но как будто

 струны кто-то тронул,
заиграли осень и разлуку
музыканты леса золотого.

Замираем.

Музыка играет.

Вскинет руку дирижер прекрасный—
ярко вспыхнут

 голубые грани
и в листве пылающей
 погаснут.

Это наши души замирают.

Сквозь стволы

 просвечивает солнце.

Невидимки осени играют.

Музыка покачивает сосны.

Мы с тобою тоже невидимки.

Стали мы природою негласно.

В сентябре прощальном,

 лебедином

нам с тобою грустно?

 Нам прекрасно.

Что ж ты плачешь?

Успокойся. Будет.

Ангел падший

с веткою багряной.

Просто мы с тобой уже не люди.

Родники лесные

и поляны...

Отомри.

Шоссе.

Мы у березы.

Друг на друга смотрим виновато.

Велосипедистки,

как стрекозы,

пролетают в сторону заката.

ТРОЙКА ВОРОНЫХ

Я вбит в скалу.
 Ни мертв, ни жив.
Три лошади
 летят в обрыв.
Три лучших вороных.
 Со скал.
Крылач.
 Коралловый.
 Гудал.
И ребра с хрустом
 пополам.
И ходит
 эхо
 по горам.
В ущелье.
 Вниз.
 Об скалы.
 Лбами.
Хребтами камни выбивают.
И ржут.
 И мхи ночные кроют
горячей лошадиной кровью.

...Двенадцать голубых подков.
Ночные крылья облаков...

Крылач. Коралловый. Гудал.

Три шкуры я на базу сдал.
Тоску зубровкой запил.
Гвоздь в биографии забил.
И навсегда от гор умчал.

Но каждым летом
 по ночам,
когда, ярка,
 озарена,
стоит огромная луна,
скалу я чувствую спиной.
А над скалою,
 над скалой
восходит призрак трех коней.
Мерцают раны от камней.
Звенят подковы
 между звезд.
Ночные гривы...
 Млечный мост...

Я отделяюсь от скалы.
Я пот стираю со скулы.
Я думаю,
 кого зовет
их нескончаемый полет?

Зачем я вас на свете знал,
Крылач,
 Коралловый,
 Гудал?

Вина осталась, как беда.
Не покидает.
Навсегда.

БАЛЛАДА О ПОЭТЕ

Чеканя строгие размеры
и не теряя чувства меры
в хаосе образов и рифм,
поэт любил слагать сонеты,
но с пляжей озорные ветры,
влетая в форточку поэта,
мешали выбрать нужный ритм.

Курорт у моря бил баклуши.
Поэт искал желанной суши.
Он зажимал руками уши.
Но море—море. И оно
взор от бумаги отрывало.
Манило. Мучило. Терзало.
И лез поэт за одеялом,
И занавешивал окно.

Средь бела дня включая лампу,
слагал он трепетно и плавно,
в лопатках чуя два крыла.
Строка к строке ложилась гладко.
Вся, до обложки, без остатка
кончалась тонкая тетрадка.
И рядом толстая ждала.

Была смугла жена поэта.
Пока поэт слагал сонеты,

вокруг нее плескалось лето.
Что делать? Каждому—свое.
Морское солнце жгло ей спину.
И у прекрасного грузина
глаза сверкали, как маслины,
когда глядел он на нее.

Ее раздумья не терзали.
По вечерам перед глазами
в стекле играло мукузани.
Закат дымился вдалеке.
И на волну слетала чайка.
И два крыла волна качала.
И тихо музыка венчала
двоих на дальнем островке.

А что поэт? Он мчал в столицу.
В груди крылами била птица.
Успех со счастьем пополам.
И восхищались им журналы.
И славной критики хоралы
звучали, словно мадригалы,
чадили, точно фиммиам.

...Недавно я прочел сонеты.
Они и вправду сильно спеты.
В них море—на исходе лета.
В них солью плещется волна.
От горя, что зовут судьбою,
от одиночества и боли
в них женщина выходит к морю,
смугла, прекрасна и грешна.

И не глазами, а очами
глядит она, полна печали,
как два крыла усталой чайки

качнул волны вечерней дым.
Пустынный берег на закате.
Шурша, в песок слетает платье.
И ждет она, пока подкатит
волна к ногам ее босым.

Благословенна первая любовь.
Благословенны первые печали.
Ровесницы,
 вы нас не замечали.
Страдали мы.
 Какая это боль!

Теперь уж мы не плачем понапрасну.
Иная широта и высота.
Мы любим женщин, в осени прекрасных.
Страдаем? Да.
 Но эта боль—не та.

Другие кроны плещутся над нами.
Размах морей.
 Тайга и целина.
Мы школу по годам не вспоминаем.
Забыли мы
 ровесниц имена.

Но все ж,
 когда я думаю о чуде,
я вижу город,
 серые дома.
Я вижу, как на белом парашюте
на переулоч падает зима.

И во дворе,
 где с горок мчатся санки,
я жду ее.

 Не чью-нибудь,
 Мою.

И с неба снег
 слетает на ушанку.

Она не любит,
 Я ее люблю.

Далеких лет далекие обиды.
Навек прощайте,
 детства облака.

Ровесницы,
 мы вас вблизи любили.

Любите нас теперь
 издалека.

ОДИННАДЦАТИМЕТРОВЫЙ ШТРАФНОЙ УДАР

Андрею Вознесенскому

Бью
бутсой
в штангу.
Непо-
нятно мне,
зачем защитник
 снес «девятого»?!
Ведь я бы взял.
 Какого дьявола?!

Я вис на сетке, как замок.
Был бог,
 мячи снимая с ног.
Я оба тайма был сторук.
Теперь «одиннадцать».
Каюк.

Трибуны с севера до юга.
Фортуна, я тебя любил.
Мой тренер дело знает
 туго.
Но он глаза рукой закрыл.

Я разминаю руки,
 плечи.
Я убираю чуб со лба.

Ну что ж,
целуй меня покрепче,
моя футбольная судьба!

Колоколами кровь по венам.
Ну, мячик!
Главное—мгновенно.

«Девятый» целит в глубь ворот.
Он разбегается.
Он бьет!

О, сколько зла в его ударе!
Но в небо,
как победный рог,
под штангу,
по диагонали
ему пропел мой позвонок.

Ударом
вывернуло
локоть.
Не человек пробил, а конь.
Но
Славься, легкость!
Славься, легкость!
В ладони грянувший огонь.

Звени,
травы футбольной зелены!
Дай корнер,
боковой клевет.
Я с неба
падаю
на землю.

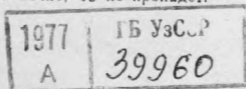
А гола не было и нет.

* * *

Там, за чертою городской,
там, за чертой молвы людской,
живет неведомый художник
под крышей старой мастерской.
Там, от успеха в стороне,
ни при деньгах, ни на коне,
он матерится, как сапожник,
когда не то на полотне.

Там создается только то.
Там на гвозде висит пальто.
Там на полу точило, краски,
рубанки, кисти, долото.
Он временами пишет ню.
Зовет натурщицу свою.
Она становится прекрасной
в его нетопленном раю.

Ей откровенно только с ним.
Под потолком — табачный дым.
А после в кружках стынет кофе.
Свеча пылает им двоим.
Там все известно наперед.
Художник выставок не ждет.
И верит женщина закону —
что вечно, то не пропадет.

Их только двое на земле.
Их огонек в осенней мгле
колеблет две большие тени
на разрисованной стене.

...Художник с вами не знаком,
Так что ж вас мучает тайком,
как он любимую рисует,
как дождь поет им за окном?
Как за чертою городской
фонарь, качаясь, тускло светит,
и с ветки лист срывает ветер
над крышей старой мастерской...

АВГУСТ В ЧИМГАНЕ

Гравий, звезды под копытами
 ленивого коня.
Не разбитое корыто—мир,
 открытый для меня.

Слышу звон луны ведерный.
 Наполняются ковши.
Реки горные, студеные
 прозрачны и свежи.

Здравствуй, добрая планета!
Здравствуй, август,
 где в ночи
от плодов согнулись ветви,
от плодов гудят бахчи.

Славлю время созреванья!
В нем без академводы
очень просто и реально
наливаются плоды.

Чабанам легко поется
 там, где бродят облака.
Август!

 Доедают овцы
вознесенные луга.

СПОКОЙНОЕ

Не бушевать, не плыть.
Отдаться сладкой лени.
Навеки позабыть
все лестницы, ступени.
По рощам одному
бродить, не набродиться.
Не знаю, почему
покой нам только снится.

Что стоят все слова?
Особенно в июле,
когда шумит трава
и пахнет медом улей.
Что стоят все дела
и правила деленья,
когда горит смола
на вековых деревьях.

И чувствуешь в себе
все свисты, перестуки.
Под небом на земле
лежишь, раскинув руки.
Ни дружбы, ни вражды.
И вспоминаешь Блока.
И далеко-далёко
две синие звезды.

Сердце мое—

 точно компас во мгле.
Стрелкою бьется на тонкой игле.

Чудо магнитное!

 Верит судьбе.
Мечется, светится,
 рвется к тебе.

Ночью поют лебединые трубы.

Стрелка мгновенная.
 Звездные румбы.

...Ищем созвучия.

 Вечная жажда.
Много влюбляемся,
 Любим однажды.

Волосы, плечи,

 губы твои.
Полюс надежды.
 Полюс любви.

Нас обманули координаты.

Я виноват?
 Или ты виновата?
Не повстречаемся мы никогда.

Станции.

Пристани.

Города.

Годы уходят. Где же ты, полюс?

Курск на планете.

Магнитное поле.

ЗИМНИЕ СТРОФЫ

Уже зима.

И мусорщик в ушанке
лопатою разгоняет снегирей.
О снег хрустит копытами лошадка.
Горячий пар пускает из ноздрей.

Я в эту зиму рано просыпаюсь.
Рублю дрова на голубом снегу.
И над собой тихонько усмехаюсь,
когда разбить полено не могу.

Какое утро!

Серебро и солнце.
И льдом январским скована река.
Люблю я эти берега и сосны,
и вдалеке фигурку рыбака

Мне хорошо.

И шапка на затылке.
И воздух голубей, чем купорос.
Хозяйка понесла сдавать бутылки.
Хозяин хмурый вышел на мороз.

Он крутит самокрутку.

Он зеваает.

Он чешет спину,
потирает лоб.

Стучит крыльцо,
 дворяжка звонко лает.
И шишка с елки падает в сугроб.

Мне в эту зиму весело и бодро.
И эта красотища! Не могу!
В пощелкиваньях утреннего бора
на голубую почту я бегу.

На красный свитер
 снег слетает с веток.
Скольжу, смеюсь,
 гляжу на облака.

От берега фольклором несусветным
домой старуха кличет рыбака.

Какой простор!
 Нетронута дорога.

И если крикнуть—слышно далеко.
И до итога дальше, чем до бога.
И пар от губ. И дышится легко.

Зима, зима...

ДАГЕРРОТИП

*Была она, как облака,
как песенка издалека...*

Возле берега шаланды,
валуны, морская пена.
Крутит девочка шарманку,
напевая у таверны.

Волны гальку оголяют.
Звон от брызг аквамарина.
Морем песенка гуляет —
Катерина... Катерина...

Сохнут сети. Соль и ветер.
И под песенку качаясь,
На земле печальны сети,
а на крыльях в небе—чайки.

Волны зыбки, точно дюны.
А шарманка,—как приманка.
И спешат с торговой шхуны
моряки на звук шарманки.

Возле берега гуляют
канотье и пелерины.
Тихо девочка играет —
Катерина... Катерина..

Очарованная далью,
смотрит в море безутешно.

Вся—надежда с ожиданьем.

Ожидание с надеждой...

Кружек звон. Слова крутые.

Половой посуду моет.

А глаза ее такие!

Море с небом.

Небо с морем.

...Кем осталась ты на свете?

Чайкой?

Песенкой невинной?

Где мгновенье?

Где столетье?

Катерина...

Катерина...

Хоть раз, но стану чемпионом.

Зима над крытым стадионом.
Но в треске трековых орбит
лечу, с велосипедом слит.
Убьюсь, но стану чемпионом!
Не задарма в седло я вбит.

«Ты где, сынок мой, пропадаешь?
Опять педалишь?»

Так одиноко на земле.
Уймись.

Подумай обо мне.

Стань самым нежным из мальчишек,
как в том далеком далеке.
В коротком стареньком пальтишке
и с варежками на шнурке.

Прости, единственный на свете,
мне это горе,
думы эти.

То лето, где жара была.
Ты плакал о велосипеде,
а я утешить не могла.

Я без тебя, сынок, старею.
Напрасно ужин разогрею.
Взгляну в окошко—снег и тьма.
Зима на улице. Зима».

Хоть раз, но стану чемпионом!

А воздух—свистом, воздух—звоном.
Пониже голову к рулю.
Последний круг до чемпиона.
Ах, финиш! Я тебя люблю.

«Реву над именем твоим.
Прощай, любимый.
Будь любим

удачей,

славою,

собой.

Не сомневайся—финиш твой.
Прощай, любимый.
Я люблю.

Но не тебя.

Любовь свою.

Как наши школьные тетрадки
и класс пустой, где мы вдвоём.

Как будто вновь ловлю укладкой
движенье каждое твоё.

Прощай.

Ты станешь чемпионом.

Но этот парк за стадионом

с морозной хрусткой тишиной

уже не твой,

уже не мой.

Я дома в стекла подышу.

На карте город отыщу.

Я ночью позвоню туда,
откуда ходят поезда.
Спрошу: «Скажите, есть билет
куда-нибудь за тыщу лет?»

Хоть раз, но стану чемпионом!

Ну, финиш мой, лети с наклоном!
Аж пальцы на руле свело.
Ты, скорость, крепче, чем вино.
Не за медаль. Во имя гона.
Хоть раз, но стану чемпио...

Ах, лидер на последнем круге!
Руль
 переламывает
 руки.

Слетают трубки с ободов.
Ключица выбита.
 Готов!

В крови едва прошепчут губы:
—Соперничек, зачем так грубо?
Судья, за что? Прием запретный.
А цепь
 змеей
 сползает с трека.

И в икры горячей огня
вливает зубы шестерня.

Соперник отведет глаза.

А там,
 над рощами, над снегом
двойной восьмеркой колеса
твоя душа восходит к небу.

• * •

В небе тают птичьи стаи.
Юность поздняя, постой.
К белой туфельке слетает
лист червонно-золотой.

Улыбнешься. Глянешь мимо.
Все, что спето,—не звучит.
Отгорело. Стало дымом.
Забывается. Горчит.

КУХНЯ В ПОЛДЕНЬ

(Фламандская живопись)

Архангел в белом колпаке
летает с черпаком в руке.
Играют золотые тени
на прокопченном потолке.
Котлы клопочут на печи.
Пыхтят в духовках калачи.
Бульоны булькают в кастрюлях.
Бьют жира жаркие ключи.

Здесь визг ножей и грохот ступ.
В котлы летят лавины круп.
И лист лавровый золотится,
венчая королевский суп.
Шипя, таращит в никуда
сто желтых глаз сковорода.
Жарюю пышет круг чугунный.
В белке пузырится слюда.

Прогнули стол окорока.
Колбасы виснут с потолка.
В чаду горит лиловым глазом
крутая голова быка.
Вокруг румяных поросят
колечки лука колесят.
И тушек заячьих гирлянды,
коптясь, над пламенем висят.

Грядет еды великий час.
На мясо льется мусолас.
Багровым пламенем пылает
стручковый перец «вырви глаз».
Поет под лезвием чеснок.
Трещит мясистый артишок.
Клубятся кратеры конфорок.
Восходит пар под потолок.

В горячих белых облаках
цесарки квохчут на крюках.
Под ними, огненно блистая,
ножи лежат на индюках.
Слетая в медное ведро,
фазанье вспыхнуло перо.
Гусь в яблоках царит на блюде —
обеда гордость и тавро.

В баллонах бродят огоньки.
В них маринуются грибки.
С ножа горячая горчица
коровьи щиплет языки.
Сдирая в кровь углы колен,
на острой терке воеет хрен.
Да так, что проступают слезы
сквозь камни потолка и стен.

Дрожит громада холодца.
Мерцают кольца огурца.
На них летят снежинки соли
и перца черная пыльца.
Бьет лука сочная стрела.
Цветет армянская трава.
Ликует красный шар томата —
салатов царь и голова.

Лучей и запахов игра.
Сельдей зеркальная гора.
Вкруг балыка скрипят креветки.
Пылает красная икра.
На дне железного пруда
в сачке колеблется вода.
А в ней холодное мерцанье—
кальмара зыбкая звезда.

Но красотой затмив звезду,
листом октябрьским во льду
горит в нектаре осетрина
с лимонным солнышком во рту.
Среди стеблей морской травы —
змееголов без головы.
И от ставриды веет бризом
безбрежной дальней синевы.

Но все презрев, но все поправ,
царем царей, главою глав
ползет в огонь баранья туша
в венке из специй и приправ.
Она чадит на вертеле.
Стреляет искрами во мгле.
И капли падающей крови
шипят на тлеющем угле.

...А за дверьми поют шарманки.
Хрустят конфеты и баранки.
По доскам носятся рубанки.
И Арлекин простер крыло.
Стоит прекрасная погода
И для веселого народа
восходят буквы к небосводу:
«Чревоугодьё—это зло!»

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

Ты.

Вечером дождь. Мир отражений, транспорт плывущий.

Ты.

Этот город. На окнах троллейбусов лица расплющены.

Словно на ниточках, виснут зонты и качает кварталы.

Тихо поют из дождя огоньки стоп-сигналов.

Где ты пропала? Так поздно свиданье назначено.

Город коснулся меня, словно плащ твой прозрачный.

Шла, как по крыше. Смеялась. Вставала на краешке.

Слушала дождь, словно трогала мокрые клавиши.

Отсвет часов. Как по стеклам отвесным,

стрелками в вечность

тают секунды протяжно, небесно,

так бесконечно!..

В эти мгновенья, как в самые грустные даты,

мы вспоминаем

все то, что могло быть когда-то.

Плащ.

Голубых светляков электрический невод.

Как ты любила

большие витрины, пролитые с неба!

Как ты касалась

огней над ночною водой!

Где ты осталась?

И что приключилось с тобой?

Капли по стеклам свистят.

Ночь.

И улицы—шире.

Дождь.

Словно лампочки в море висят —

люди, машины...

Люблю поклонников Декарта.
Люблю их мудрое перо.
Не приравняю к суррогату
рациональное зерно.

Пускай строка звучит иначе—
не надо гнать их, как чуму.
Рационалы тоже плачут.
И тоже знают, что к чему.

Пускай они не первородны.
К чему таланты ворошить,
когда великая природа
их не успела довершить?

Глубокомысленны и строги,
навек прикованы к земле,
кричат в ночи живые строки,
как птицы об одном крыле.

К нам кони шеи гнули.

Да степи.

Да поля.

Да жизнь, судьба и пуля

у каждого своя.

Да только цокнет камень,

да только вспыхнет зной.

Эх, да!

Ехали цыгане с ярмарки домой.

Нам фонарей полосы,

во поле ночлег.

Барахло, повозки

да скрип ночных телег.

Земля с конца до края

вся—песня да костер.

Да только бьется пламя

в небо, как в котел

Мы—в драные одежды,

да золотая кровь.

Ты—Вера,

ты—Надежда,

а ты—моя Любовь.

Станем ли преданием?

Пропадем зазря?

Грешная,

родная,

милая земля.

Да только вспыхнет кремень.
Пропоеет ружье.
Небосвод накренил.
И—каждому свое.
И только вздрогнут звезды
в двух ее зрачках.
Не целуй.
Поздно.
Таю в облачках.
Во поле ни звука.
На цветке рука.
Вечная разлука.
Древняя тоска.

Но
да бушуют весны!
Но
да летит земля!
Да польхают звезды —
каждому своя!
И плывет веками
от оси земной —
Эх, да!
Ехали цыгане с ярмарки домой.

Средь листопадов и разлук
напрасно счастлив я, напрасно,
что все меняется вокруг,
а ты по-прежнему прекрасна.
Напрасно продлеваю миг,
когда в глазах твоих свеченье.
Напрасно счастлив я, что в них
мерцает прежнее влечение,
что стала музыкою боль
и время бег остановило,
что не Разлука, а Любовь
нас на прощанье осенила.

Сирень лицом задень.

Чуть-чуть, едва, случайно.

Как свеж апрельский день!

И как необычаен.

Оставь свой бранный труд.

Из комнат душных выйди.

Ты будешь не в обиде.

Тебя давно там ждут.

Вон радуга-дуга,

зеленый подорожник.

Раздвинув облака,

выглядывает дождик.

Гляди — он голубой.

К чему искать эпитет?

Не верь, что он слепой.

Он все на свете видит.

Сгони печаль со лба.

Ушли громады туч.

На ролике столба

поет скрипичный ключ.

Прислушайся. Поет.

О чем? Да ни о чем.

А может быть, о том,

что ты разоблачен.

Что в небе облака
случайны, как строка.

Глядишь, и жизнь пройдет.
Прислушайся.

Поет.

С Е Н Т Я Б Р Ъ

Приходит пора
 золотого пера.
Любимая,
 осень стоит у двора.
Стоит, осыпается.
 Завтра над ней
проплачет последний косяк журавлей.
На смену туманам
 придут холода.
В дождях проливных
 поплывут города

Любимая,
 осень стоит у двора.
За кругом Полярным
 гуляют ветра.
В моем же владенье
 мерцанье листвы,
перо золотое, бумага
 и Вы.
Да на столе деревянном полна
среди яблок осенних
 бутылка вина.

...Осыплются дачи за городом шумным.
Уже к ноябрю
 приготовлены шубы.

И кто-то Вам пишет письмо из Москвы.

Конечно,

конечно, уедете Вы.

Вздыхаете к вечеру:

—Как я устала.

Как много листвы в эту осень опало.

И все так печально.

И все так нелепо.

Что делать, любимый?

Окончилось лето.

Люблю я последние дни сентября.

Скрипичным оркестром охваченный город.

Люблю эту свежесть

и ясность погоды.

Природа

спокойно уходит в себя.

Уходит...

Как мало уверены мы,

что все возвратится к нам

после зимы.

В последних туманах гудят шофера:

Любимая,

осень стоит у двора.

Она в догоранье короткого дня.

Прощаньем овеяны кроны

и лица.

Все шепчет «прости»

и не может проститься.

И женщина

горько целует меня.

* * *

Еще в бутылках бродит вишня.
И не кончается ремонт.
И воздух лета неподвижен.
Весь день поет водопровод.
Свалили доски во дворах.
Печется кровельщик на крыше.
Стоит жара. И на углах
томятся летние афиши.

Но выйдут тучи в небеса.
И уходящие красоты
нам озарит на полчаса
закат на грани горизонта.
И сразу сдует с площадей
зевак, любителей прогулок.
И ветер полосы дождей
метнет в соседний переулок.

На землю сумерки сойдут.
Достанем теплые одежды.
И хлопья город заметут,
влетая в черные подъезды.
И станет шумно на катках.
И баржи на реке застынут.
Корзины вспыхнут на лотках.
И снег запахнет апельсином.

А в марте снег дождями смоет.
И всюду зашумит весна,
И будут вечера весною,
как взмахи синего весла.
И над колодцами дворов
промчатся голубые грозы.
И точно кисти маляров,
сирень в дожде раскинет гроздьа.

И я прильну к календарю.
О, эти пьяные сирени!
И жизнь! И все, что я люблю
до немоты, до одуренья,
о не прощайся. Все новее,
все ярче воздух поутру.
И я живу. И я не верю,
что постарею и умру.

Но минет, минет этот день.
И загудят ночные крыши.
И я проснусь. И я услышу—
шумит листва в дыму дождей.

Я распахну окно и двери
в свое последнее жильё.

Постой, мгновение мое.

Ах, жизнь! Ещё одно мгновенье.

Печаль не сходит с твоего лица.
А мне все петь да с песней веселиться.
Я трачу твое сердце без конца.
Краду и не могу остановиться.

Когда же я увижу на беду
в глазах твоих прощальное свеченье,
напрасно я к ногам твоим паду.
Тебя уже не хватит на прощенье.

ВЕСЕЛАЯ БАЛЛАДА

Голодный художник рисует жаркое.
И кисть, как шумовка, поет под рукою,
когда помидоры кармином он кроет
и сажею мажет горячий казан.
В картине под соусом мясо дымится.
Он краску на мясо кладет, как горчицу.
Пылает морковка. Лучок серебрится.
И это приятно голодным глазам.

А сытый художник, скорбя и горюя,
белилами пишет пустые кастрюли.
И с кремом жуя заварные рогули,
он старый сухарь на столе создает.
Рисует, стаканчик вина опрокинув,
забвения пыль на порожних графинах.
И кошка худущая смотрит с картины,
как жарится в кухне его антрекот.

Биограф и критик — два славных канала,
их творческий путь изучив досконально,
явление это объявят нормальным,
искусство и жизнь гармонично спаяв.
И явится миру их вывод несложный,
что личное — в жизни художника ложно,
что съедено, то воссоздать невозможно,
поэтому каждый по-своему прав.

СИРЕНЬ

Давай любовь свою оплачем.
Давай свидание назначим,
Не мучаясь
и не грустя.
Сегодня. Десять лет спустя.

Давай сирени наломаем.
Любила ты?
И я любил.

Апрель цветет,
как ненормальный.
Апрель заборы проломил.

Сирень горька и безутешна.
Сорви мне счастье наугад.
Мы изменились?
Мы все те же,
как десять лет тому назад.

В глазах твоих—все те же кроны.
В моих—все тот же синий дым.

Стекло с вином
губами тронув,
ты говоришь: «Горим?»
«Горим!»

Куда? О чем?

За что горим мы?

Ах, за начало всех начал!

За польский вальс неповторимый.

Он только нам с тобой звучал.

Горим?

Горим!

За наши годы.

Кольцо на дно

со звоном брось.

За то, что дым сирени

горек.

За все,

что в жизни не сбылось.

Любовь, куда?

Не оглянулась.

О это вечное «увы»!

Горим же за чужую юность!

Они целуются, как мы.

Горим за все!

За наши беды.

За эту музыку и боль.

За этот мир,

от яблонь белый

и от сирени

голубой.

ОДА ЧЕРНОВИКУ

Всему, поэт,
 откройся на заре.
И до могилы
 не живи иначе.
Прельщайся всем,
 что видишь на земле.
Люби и пой.
 Дай бог тебе удачи.

Но не прельстись, поэт, беловиком.
Он без тебя
 сумеет всплыть наружу.
Есть черновик,
 что вечно под замком.
Никто тебе
 так преданно не служит.

Он—кровь и плоть
 твоих грядущих книг.
Он—творчество,
 он—мужество,
 он—главный.

Пускай потом
 к тебе приходит слава.
В ночи ты слезы льешь
 на черновик.

Черновики...

Они просты как будто.

Но за измену

мстят они всерьез.

Ведь не слова таят они,

не буквы,

А голоса

неведомых нам звезд.

Храните их, поэты, осторожно,

В них к богу есть невидимая нить.

Стихи свои

всегда запомнить можно,

Мгновений этих

вам не повторить.

Ломайте перья,

мучайтесь,

марайте.

Да будут ваши взлеты

высоки.

Но только ни за что не умирайте,

Пока вы не сожгли

черновики.

СНЕГОПАД

В Москве январь. Поземка по торнам
кружит, звеня.
Любовь моя, куда?

Центральный телеграф. Его ступени
обиты голубым морозом.
По ним.
Навстречу.
В город многолюдный.

Январский снег. Он обжигает губы.
Проносится, звеня о фонари.
В подземные влетает переходы.

Тебя здесь нет... Но все же ты повсюду,
любовь моя—последняя любовь.

Суворовский бульвар. Он бьсь в сугробах.
Но воскресает сердце на излете.
И четко, точно в юности, я вижу—
идешь к Арбату. Плещется пальто,
и твоих сапожек отряхая снег.
Снег над Москвою.
Он летит на сумку.
И светит сумка пряжкой ледяной,
на тонком ремешке через плечо
покачиваясь в такт твоим шагам.

Заносит снег чугунные ограды,
на памятники надевает шубы
и тает от мгновенного дыханья
на варежке твоей с оленем белым.

Тебя я вижу... Но тебя здесь нет.

Там, в Шереметьево, среди лесов январских
с бетонных плит взмывают самолеты.
Они летят в Нью-Йорк и Амстердам.
И диктор на японском языке
на Токио посадку объявляет.

Как много стран на маленькой Земле!
А ты одна.
Но ты нигде и всюду.

Ах, если б не январский этот снег!
Не ворожба поземки леденящей,
морозные рисунки колдовские,
я б точно знал, что нет тебя на свете.
Но снегопад, как в юности, прекрасен.
Он просто невозможен без тебя.

На Кировской, а может, на Таганской
подземный теплый ветер из тоннеля
едва колышет волосы твои.
Вздыхают шумно голубые двери.
От мраморной колонны отделившись,
ты входишь.
И тебя уносит поезд.
И ты в стекло глядишь на отраженье
с оттаявшей снежинкой на скуле.

Тебя здесь нет... И все же ты повсюду.

А снег летит. Летит страной огромной.
Алма-Ата, Актюбинск, Таштагол.
Ревут в снегах товарные составы.
Над крышами Эстонии флюгарки
скрипят, вращаясь в белых завихренях.
И мокрый снег над набережной Ялты
несет рывком январский ветер с моря.
И волны бьют в пустой холодный мол.
Тебя там нет... Но все же ты повсюду.

Кружит, кружит московская поземка.
Она взлетает к башенкам вокзалов.
Поют ее серебряные флейты.
Возносят в небо звук неповторимый.
Он вечен и прекрасен, как надежда,
которой в мире никогда не сбыться.
Тебя здесь нет...

Зачем же на себе
я чувствую поющие оковы
любви, с разлукой смешанной, со снегом,
что пролетает белою зимою,
звенит о стекла ярких магазинов,
об огоньки на елочных шарах?
Зачем в тебя, как в юности, я верю?
Здесь нет тебя. Ни рук твоих, ни губ.
Ни жаркого монгольского дыханья.
Ни карих глаз, летящих, как ножи.
Тебя здесь нет... Но все же ты повсюду.
И вновь немеют вскинутые руки
и тянутся за пылью звездной, снежной,
летающей из-под каблучков твоих.

Земля вечерняя. Январская земля.
Мой шарик елочный в морозных дальних звездах.

Она всю жизнь несет меня в метели.
Тебе ль навстречу? Вслед ли за тобой?

Прости, не знаю—где, когда и вправду ль
мы встретимся...

Далекне мосты
качает снег. Они восходят в небо.
Как будто птицы крылья поднимают
перед большим отлетом навсегда.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

У мраморных колонн коты
лежат надменны и сыты.

В тени роскошного портала
меж кипарисов и платанов
провис авоськой до земли
гамак

с прозанком внутри.

В качалках две драматургини.

У них от солнца
аллергия.

Всем пляжам предпочли они
вязанье чепчиков в тени.

Я тоже благами владею.
Я к той же прикреплен артели.
И в этом райском уголке
я сам качаюсь в гамаке.

А вдалеке—удары моря.
Волна с размаху скалы моет.
Но тверд на суше,

точно сталь,

с балкона

критик смотрит вдаль.

Поэты вслух стихи слагают.

И по аллеям
в такт
шагают.
Но вянут от стихов цветы.
И ухом не ведут коты.

Что море?
Проза ли? Стихи ли?
Пьес однодневных череда.
Писатель закричит: «Стихия!»
А кот подумает: «Вода».

На солнце шерсть его лоснится.
И ус, как леска, серебрится.

А там,
за маяком далеким,
где солнца дом,
где ветра дом,
все тот же...
белый...
одинокий...
в тумане моря голубом.

Пора, пора
проститься с легким дымом.

Простимся.

В переулке нелюдимом,
где этот час
с тобою нам назначен,
поплачем.

Деревьев тени
на стенах кирпичных
все так же, словно в детстве,
необычны.

И все-таки
им скоро быть другими.

Чужими. Облетевшими. Нагими.
Какие тени!

Это светит месяц
на чердаки,
на прутья ржавых лестниц.
По проводам сбегает золотым.
Куда же ты?

Прощай, мой легкий дым.
Твой календарь мой срывает числа.
Что с нами теперь станется,
случится?

Что сбудется, забудется?
Не спросит.
Летит. Не возвращается. Уносит.

• • •

Б. П:

Еще не снег. Но всюду мгла.
Твой лес до веточки продуло.
Ты умерла? Ты умерла.
А мне все грезится—уснула.
А мне все чудится—вдали
поет в зеленых соснах ветер,
что нет конца земной любви,
что ты еще жива на свете.
Средь холодеющих рябин
мне снится долгими ночами—
июль у ног твоих качает
цветы неведомых долин.

■ • •

День холодный, день осенний.
На полях убрали рожь.
Ты о чем, журавлик серый,
в небе пасмурном поешь?

Был я молод, был я весел.
Было все мне трын-трава.
А теперь от этих песен
ходит кругом голова.

Подступают к горлу слезы.
И становятся близки
в рощах—голые березы,
в сером небе—косяки.

Листья желтые, сухие.
Тропы осени глухие.
Черно-белые стволы.

Журавленок мой.
Курлы...

Что, жизнь моя?
Любовь моя. Тревога.

Гляжу на все,
не утирая глаз.
Звезда апрельская
над голубой дорогой,
я чувствую,
горит в последний раз.

— Прощай, —
мне дует яблоневый ветер.
Сирень в лицо бросается:
— Спешу.

За жизнь свою
скупец заплатит смертью.
Поэт заплатит выплеском души.

Плачу за все.
За небо. За глубины.
За все, что не допел
и не допил.
И за тебя,
которая любима.
И за себя,
который нелюбим.

Смеюсь и плачу.

 Что-то будет угром.
Брожу не свой от крон
 и от луны.

Какая ночь!

 Какие переулки!
Они ошалевают от весны.

И я вдыхаю
 этот лунный ветер.

Готов на все —
 на радость и беду.

Бушуй, сирень,
 пока я жив на свете!

Бушуй вдвойне,
 когда я пропаду.

На свете ни о чем жалеть не надо.
Звени, апрель мой!

Щелкай и свисти.

Туда... к звезде...

 в зеленые ограды...

Не возвращай.

Прости меня, прости.

Осеннее чудо—мгновенье заката.
 Скользит облаков золотая регата.
 Всю линию запада тянет на юг.
 Ее обгоняет косяк журавлиный.
 Пылает колпак водокачки старинной.
 И в воздухе пахнет сушеной малиной.
 И сладко от горечи скорых разлук.

Очерчена дымкой вокзальная арка.
 Рекой золотой улетает байдарка.
 И медные трубы качают над парком
 осеннего вальса забытый мотив.
 — Прощай,—флюгерок над вокзалом играет.
 На ржавой стреле петушок догорает.
 И горло светло. И душа замирает.
 И копоть на медные шпалы летит.

Я знаю—туман по осеннему логу
 сползет на луга за железной дорогой.
 И краткого чуда печальным итогом
 холодные рельсы погаснут во мгле.
 Но дети проносят закат на гитарах.
 Но листья горят у шлагбаумов старых.
 Но женщина с веткой рябины на шпалах.
 Любовь и надежда в осеннем огне.

5-Й ЖУКОВСКИЙ ПРОЕЗД

Когда я устану,
 пьяна от весеннего ветра,
принеси мне
 сирени горькую ветку
из того переулка,
 где в небе труба завода,
где весна
 навсегда пригнула заборы.
Эта гроздь голубая —
 бальзам от печали.
Припаду к ней губами.
 И мне полегчает.

А когда на душе
 станет вдруг по-осеннему мгристо,
принеси мне охапку
 опавших пылающих листьев.
Из того переулка,
 где небо,
 прощальные стая.
Эта осень.. я помню..
 она с голубым золотая.

А когда я умру, —
 а умру я, наверно, не скоро,—
ты однажды приди
 к тем подъездам, деревьям, заборам.

Ты приди в переулок,

как в детство чужое, однажды.

Там над крышами змей.

Мой небесный кораблик бумажный.

Улыбнись переулку

легко и светло, как во сне.

Улыбнись без печали,

как жизни, как небу, как мне...

СОДЕРЖАНИЕ

Песня о трубаче	3
Замри	5
Тройка вороных	7
Баллада о поэте	9
«Благословенна первая любовь...»	12
Одиннадцатиметровый штрафной удар	14
«Там, за чертою городской...»	17
Август в Чимгане	19
Спокойное	21
«Сердце мое...»	22
Зимние строфы	24
Дагерротип	26
Трек	28
«В небе тают птичьи стаи...»	31
Кухня в полдень	32
Дождь в городе	35
«Люблю поклонников Декарта...»	37
«К нам кони шеи гнули...»	38
«Средь листопадов и разлук...»	40
Этюд	41
Сентябрь	43
«Еще в бутылках бродит вишня...»	45
«Печаль не сходит с твоего лица...»	47
Веселая баллада	48
Сирень	49
Ода черновику	51
Снегопад	53
Дом творчества	57
«Пора, пора...»	59
«Еще не снег...»	60
«День холодный, день осенний...»	61
Весна	62
«Осеннее чудо—мгновенье заката...»	64
5-й Жуковский проезд	65

Файнберг Александр Аркадьевич

СТИХИ

Редактор на общественных
началах *П. Таргаковский*,
Художник *Ю. Габзалидов*
Худ. редактор *М. Рейх*
Техн. редактор *А. Саитова*
Корректор *В. Кива*
ИБ № 71

Сдано в набор 9/VII-76 г. Подписано в печать
7/IV-77 г. Формат 70x90 1/32. Печ. л. 2,125.
Усл. печ. л. 2,49. Уч.-изд. л. 5,13. Тираж 5000.
Р № 07234. Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма. Ташкент, Навои, 30.
Договор № 170—75.

Отпечатано в Бекабадской типографии Государст-
венного комитета Совета Министров УзССР по
делам издательства, полиграфия и книжной тор-
говли на бумаге № 1. Бекабад. Заказ № 102.
Цена 25 коп.

26 к.

